

* * *

Из дневника командира эскадрильи Героя Советского Союза Марины Чечневой:

«15 августа 1942 г. Мы с Ольгой Ключевой бомбили мотоколонну на дороге по направлению к Константиновской. После бомбометания Ольга наблюдала сильные взрывы и повторяющиеся вспышки огня. Мы были очень довольны полетами в этот день — день моего рождения. Ольга, возвращаясь с задания, кричала в переговорный рупор „ура“ и поздравляла меня с днем рождения и удачным боевым вылетом.

17 августа 1942 г. При выполнении боевого задания в лесу обнаружили огни. Это было, видимо, движение машин. Когда Ольга сбросила бомбы, наблюдались взрывы и сильные вспышки. Экипажи, летевшие за на-

ми, подтвердили, что это был склад с боеприпасами. Боеприпасы долго взрывались.

30 августа 1942 г. Третий боевой вылет в эту ночь. Бомбили северо-восточнее станицы Константиновской. После этого наблюдали чередующиеся взрывы с густым дымом, которые длились в течение трех минут. Предполагалось, что взорвано было горючее.

В ночь с 8 на 9 декабря 1942 г. вместе с Олей Ключевой мы бомбили скопление мотомеханизированных частей и живую силу противника в пункте Кривоносово и ст. Луговской. В результате возникло три сильных взрыва и два очага пожара, которые сопровождались вспышками и клубами дыма. Экипаж Нины Худяковой и Кати Тимченко подтвердил успех нашего бомбометания после прилета на аэродром».

* * *

* * *

Вспоминает Марина Чечнева:

«Вот Терек — предстоит уничтожить переправу. Линию фронта пересекаем на высоте 1200 метров.

— Подходим к цели, — говорит в „переговор“ мой штурман Оля Ключева.

Сегодня мы пробуем отработать новый метод бомбометания парой самолетов: мы с Ключевой вызываем огонь на себя, а в это время бомбит Надя Попова с Катей Рябовой, потом, когда прожекторы переключатся на них, спокойно бомбим мы.

...Пора! Дав ручку от себя, прибавляю газ, несемся на цель. Внизу ни огонька и полное молчание. Скорей бы уже начинали! Ведь знаю: подпускают! Сколько раз мне приходилось лететь, схваченной несколькими лучами сразу, идти рывками, из стороны в сторону, уходить от разрывов и „змейкой“, и „горкой“, обнаруживать новые и новые дыры в самолете, видеть огненные шары прямо перед собой по курсу, каждую секунду ощущать приближающуюся опасность! В такие моменты волнение и страх уходят на задний план, остается упрямое желание сманеврировать еще резче и точнее (особенно хорош был прием „скольжение на крыло“), обмануть врага, вырваться из лучей. Привыкаешь ко всему, что таит в себе явную опасность. Но невозможно побороть давящее чувство ожидания опасности. Сколько я ни летала, в какие переплеты ни попадала, для меня всегда было страшнее предчувствие опасности, чем сама опасность.

...Внизу по-прежнему молчат. Но вот не выдержали — включили прожекторы, рывкнули зенитки. Теперь, по крайней мере, знаешь, что делать. От прямого попадания снаряда в плоскость самолет подбрасывает... „Только бы не в мотор, только не в мотор“, — твержу про себя.

— Уходим вниз, — командует штурман.

Теперь фашистов отвлекает Надя Попова, которая уже отбомбилась. Прожекторы переключились на ее самолет, а тем временем мы неслышно подходим к цели, и все четыре бомбы летят вниз...»

* * *

* * *

*Рассказывает Герой Советского Союза Нина Улья-
ненко:*

«Осенью 1942 года меня зачислили штурманом в экипаж к Дусе Носаль. Летать с ней было удовольствием. Многому можно было научиться у нее. Обычно до цели Дуся сама пилотировала самолет, а после бомбометания передавала управление мне. Так мы меньше уставали, а я приобретала опыт вождения. Моей мечтой было стать летчиком. Дуся знала об этом и всячески помогала мне.

Запомнился полет на разведку погоды. Мы бомбили тогда немцев в районе Краснодара. За несколько минут до цели попали в сплошной снегопад. Дуся ведет самолет по приборам. По времени мы уже над целью, но ничего не видно — куда бросать бомбы? Решили возвращаться домой с бомбами. Помогаю летчику в слепом

полете. Зорко смотрю, не появится ли где огонек или звездочка. Слежу за приборами. Внезапно стрелка прибора скорости начинает показывать: девяносто, семьдесят, шестьдесят километров в час...

— Дуся, скорость падает!

Высовываю руку за борт и чувствую — тонкий, едва заметный след льда покрывает фюзеляж, плоскости. Вот почему такая малая скорость на приборе — он отказал. Теперь Дуся ведет машину только по компасу и указателю разворотов. Вести самолет в облаках, не зная его скорости, — искусство высшего класса.

Самолет отяжелел от намерзшего льда, плохо слушался рулей управления. Высота быстро уменьшалась... Сбросить бомбы, облегчить самолет? Но мы уже над своей территорией. А слой изморози все толще. Опасность грохнуться на землю велика. Пятнадцать минут показались нам вечностью. Только умение и мастерство Дуси помогли нам выбраться из этого почти безвыходного положения.

Доложив метеообстановку, идем ужинать. И только тут замечаем, что зуб на зуб не попадает от нервного напряжения...»

Спустя месяц Дуся Носаль была убита над целью в районе Новороссийска. А Нина Ульяненко стала летчиком.

* * *

Вспоминает Раиса Аронова:

«В ту ночь я летала со штурманом Лидой Целовальниковой. Мы летали из Пересыпи бомбить Крым. По другую сторону Керченского пролива наши войска удерживали тогда лишь небольшой плацдарм. Там, недалеко от поселка Жуковка, была площадка, наскоро оборудованная на случай вынужденных посадок наших По-2. Среди ночи на нашем самолете забарахлил мотор, и мы сели на вынужденную.

Утром штурман уехала в полк, а я осталась ждать, когда отремонтируют мотор. Во второй половине дня можно было лететь домой. Признаться, меня это очень озадачило: днем через пролив нужно лететь бреющим, а я боялась воды. Полеты над водой были для меня страшнее зенитного огня. У каждого свои слабости... Одна наша летчица боялась пауков, другая мышей...

Кстати, в Пересыпи было очень много мышей, и нам приходилось вести с ними настоящую войну: они портили самолеты, прогрызали перкаль, грызли деревянные части и даже электропровода. Залезали они и в меховые комбинезоны: сунешь руку в рукав, а оттуда вдруг выпрыгивает мышонок...

Не смогла я заставить себя приблизиться к воде меньше чем на двести метров. И только над косой Чушкой снизилась до бреющего. Лечу и удивляюсь: почему меня не сбили? Ведь надо мной пролетали немецкие истребители, для которых По-2 — заманчивая мишень.

Впрочем, не всегда охота за беззащитным По-2 кончалась для немцев удачно. Рассказывали, что однажды,

когда связной самолет пересекал пролив, на него напал „мессер“. Немецкий летчик не сразу открыл огонь по своей жертве — захотел сначала поглумиться над ней. Сдвинул фонарь и на общепонятном языке жестов спросил у пилота По-2: сколько дать по нему очередей — одну, две? Летчик предложил третий вариант — выстрелил из пистолета в немца. Вражеский самолет клюнул носом и рухнул вниз. Море в одно мгновение поглотило самоуверенного аса».

* * *